

СС.

КЪ БРАТУ.

Римъ. Суббота, 24 апрѣля 1858.

Любезный братъ.

Я пропустилъ одну субботу писать къ тебѣ, потому что въ этотъ день К. Т. Солдатенковъ уѣзжалъ, а до того времени былъ все съ нимъ и вездѣ; къ тому же ничего до сихъ поръ не перемѣнилось въ моемъ положеніи: все со дня на день жду извѣстія и изъ Марсея, и изъ Штуттгардта для Шеттина, гдѣ предполагается съѣздъ мой съ великой княгиней Ольгой Николаевной. Статсъ-секретарь Дмитрій Александровичъ Оболенскій уѣхалъ третьяго дня, и повезъ представить восемь фотографій съ моей картины ко двору. За вѣрное говорятъ, что онъ сдѣланъ министромъ юстиціи, вмѣсто графа Панина. Такъ какъ онъ ко мнѣ необыкновенно хорошъ, то не представить ли ему наше дѣло съ графомъ Потемкинымъ? Чтò ты на это скажешь? Если нужно будетъ тутъ что-нибудь и уступить, чтобы поскорѣе получить деньги, то согласенъ ли ты будешь? Право, лучше хоть что-нибудь имѣть, чѣмъ вѣчное дѣло въ судѣ. За сестрину долю — не знаю, кому она принадлежитъ; этотъ мелкій вопросъ можетъ завязать дѣло.

Крайне жалѣю, что ты не пишешь. Этакъ, пожалуй, я уѣду за часъ прежде твоего приѣзда въ Римъ, чтò будетъ обоимъ намъ досадно. Прошлое воскресенье была свадьба Луиджи Франчини — всѣ приглашенные дарили по обычаю римскому; мой подарокъ стоитъ 7 скудъ—я тутъ же прибавилъ мою фотографію. Монсиньоръ, ихъ обручавшій, былъ смятенъ и терялся до слезъ. Не былъ ли онъ влюбленъ въ Юлію ¹⁾? Тебя ждетъ съ нетерпѣніемъ полковникъ Ребиндеръ, главный попечитель дѣтей Маріи Николаевны. Ему хочется употребить тебя на разъѣзды по Риму и окрестностямъ. Они

¹⁾ Джулія—одна изъ пяти сестеръ Монтекиа, жившихъ вмѣстѣ со своей теткой савьорой Бернардиной. У нихъ въ домѣ собирались часто русскіе художники.

здѣсь останутся весь май. Съ магазинщикомъ Куччони (Cuscioni, Via dei Condotti между Bocca di Leone и Maria dei fiori) надобно будетъ расплатиться предъ отъѣздомъ, что превышаетъ 200 скудъ, пожалованные великой княгиней. Русскіе говорили: «Вы только пустите фотографіи въ продажу, и сейчасъ же вдвое получите, чѣмъ составите себѣ сумму на вояжъ въ Россію».

Отпечатаніе малаго размѣра, за который Куччони беретъ по скуду за оттискъ.	257	скудъ
Отпечатаніе большаго размѣра—30 экзепляровъ, по два скуда за оттискъ.	60	»
	<u>317</u>	скудъ

Надобно бы было заплатить мастеру за отпечатаніе всего, но такъ какъ 10 малыхъ не годны, то	307	скудъ

Продано имъ самимъ въ лавкѣ, по 20 апрѣля,— 10 малыхъ и одинъ большой, за что, за вычетомъ за комиссію 10 на 100, выходитъ.	31	— 50
	<u>275</u>	— 50

Оставлено у него 29 малыхъ и одинъ большой для продажи, что составитъ, если (всѣ) будутъ сбыты, за вычетомъ процентовъ 10 на 100	81	— 80
	<u>193</u>	— 70

Я самъ взялъ: 8 большихъ, для великой княгини, и футляръ въ скудъ	17	скудъ
Два большихъ, для сыновей М. Н.	4	»
Два большихъ, для Васильчиковыхъ	4	»
Для Васильчиковыхъ, 8 малыхъ	8	»
Для Лондона, малый	1	»
Для Ребиндера, малый	1	»
Для Жамета, малый	1	»
Для Франчини, малый	1	»
	<u>37</u>	скудъ

Самъ я выручилъ чистыхъ денегъ отъ Карамзина, за два малыхъ и одинъ большой	10	скудъ
Отъ князя Оболенскаго и графини Протасовой, за два большихъ и одинъ малый	12	— 50
	<u>22</u>	— 50

Пополнить ими 37 скудъ—останется 14 скудъ 50 байковокъ; значить всего долга моего Куччони, отъ 10 апрѣля сего 1858 г., будетъ 207 ск. 20 б.

135 экземпляровъ малыхъ и 15 — большихъ вчера отправилъ я въ Москву къ Щепкину на продажу; самъ я везу 58-мъ, съ картиной, въ Петербургъ. Большихъ больше не будетъ, ибо стекло-негативъ лопнуло. Маленькое стекло я везу съ собой. Мы хотимъ еще сдѣлать пробу большаго, но не знаемъ, позволить-ли время, ибо нужно 14 дней, да и не увѣрены въ удачѣ самаго дѣла, ибо самъ Куччони учится на моемъ дѣлѣ, а что хуже всего, что мнѣ придется платить за его ученіе, и довольно дорого. Впрочемъ, это секретъ. Прощай. Пиши.

Братъ Александръ.

ССІ.

КЪ БРАТУ.

Paris. 7 мая 1858.

Любезный братъ.

Вотъ копія съ письма, посланнаго вчера къ баронессѣ Раденъ, фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны:

«Ваше соизволеніе слышать объ участи моихъ дѣлъ и о путешествіи доставляетъ мнѣ необыкновенное счастье говорить съ вами. Не смотря на всѣ усилія писать къ вамъ изъ Марсея, я не могъ этого исполнить прежде Парижа. Картину я засталъ въ портѣ Чивита-Веккіа подымающеюся на французскій пароходъ, но когда подъѣзжалъ къ ней на лодкѣ нашего консула Арато, то её уже назадъ спускали, объявивъ мнѣ, что во внутрь парохода она не устанавливается, а на палубу безъ особаго приказанія ее принять не могутъ. Времени оставалось одинъ часъ, и въ этотъ мучительный часъ все, однако же, кончилось въ мою пользу, и я успѣлъ отодвинуть отъ печки мою картину. Только-что выбрался я отъ людскихъ тѣсеній, какъ противный вѣтеръ насъ на-

чалъ обдавать пѣной. Картину закрыли. Княгиня Репнина съ дочерью и я, со всѣми другими, терпѣли сильно морскую болѣзнь. Наконецъ капитанъ нашель опаснымъ продолжать путь, и мы около Тулона стояли въ рейдѣ. Такимъ образомъ пріѣхали въ Марсель 4 мая въ два часа по полуночи. Прежде 10-ти часовъ нельзя было начать дѣло въ тамождѣ. Нашъ консулъ, г. Бухаринъ, отправился со мною на желѣзную дорогу, гдѣ согласились везти картину въ вагонѣ, превышающемъ ея длину, съ быстрымъ поѣздомъ, но въ тамождѣ непремѣнно хотѣли вскрыть картину, или оставить ее на два дня для формальностей. Изъ этого затрудненія я вышель предъ самымъ отъѣздомъ изъ Марселя. Вчера въ Парижѣ не находили длиннаго вагона—картина превышала на $\frac{1}{4}$ арш., и потому отложено рѣшеніе до сегодня, оставя картину на дрогахъ, во дворѣ Сѣверной дороги. Графъ Толстой, секретарь посольства, случившійся тутъ, обѣщаль отработать мое дѣло. Съ глуб. почт. имѣю честь быть и проч.»

Заплати, пожалуйста, изъ твоихъ денегъ Пловдену, что слѣдуетъ, и вычти изъ книжки, пославъ мнѣ счетъ въ Петербургъ, по адресу Боткиныхъ: на Васильевскомъ островѣ, въ 3 линію, въ домъ Кранихфельда. Вчера представлялся послу, графу Киселеву, Билибину, и тремъ секретарямъ. Всѣмъ имъ далъ по фотографіи, а другія, что везъ, сдалъ, Боголюбову, который обѣщалься мнѣ ихъ продать здѣсь. Однакоже, я оставилъ два большихъ оттиска для Ольги Николаевны и супруга ея, что поднесу на пароходѣ. Я отправлюсь отсюда завтра, въ 6 часовъ, со скорымъ поѣздомъ въ Кѣльнъ. Ротшильдъ далъ мнѣ свою карточку туда, чтобы помочь получить право на скорый поѣздъ съ картиной. Это я получилъ посредствомъ посольства, которое тоже мнѣ приложило печати бельгійскія и прусскія, для свободного пропуска чрезъ таможди. Вчера прицѣнялся, что будетъ стоить провозъ картины въ Кѣльнъ,—оказалось, что 180 франковъ, не считая моего мѣста въ первомъ классѣ. Это дороже, чѣмъ изъ Марселя въ Парижъ, гдѣ я заплатилъ около 8 наполеондоровъ. Впрочемъ, и они обѣщались спустить цѣну. За мѣсто мое изъ Марселя въ Парижъ заплатилъ около 100 франковъ. Одно первое мѣсто ѣдетъ во Франціи съ быстрымъ

поѣздомъ. Такъ какъ все дешевле, чѣмъ я думалъ, то я заказалъ себѣ фракъ, два жилета: бѣлый и черный, брюки, и все это — (за) 180 франковъ, изъ самаго лучшаго матеріала. Сорокинъ и Бронниковъ при мнѣ вчера получили весьма нерѣшительный отвѣтъ отъ Киселева на счетъ иконостаса, и они ѣдутъ ни съ чѣмъ, покамѣстъ, въ Римъ. Но экспедиція Новосильцева, какъ будто, хочетъ быть, и непременно. Очень можетъ быть, что я и ты съ ней поѣдемъ. Это будетъ въ сентябрѣ, когда ты совсѣмъ управишься. Впрочемъ, объ этомъ я тебѣ буду писать, когда что нибудь узнаю отъ е. в. Константина Николаевича. Лагоріо здѣсь... Графъ Кушелевъ-Безбородко только-что сегодня пріѣхалъ—черезъ часъ иду къ нему. Вчера былъ у князя Львова, брата княгини Львовой, что при в. к. Еленѣ Павловнѣ. Когда ее увидишь, то скажи объ этомъ свиданіи—они премилые люди. Если ты сблизился съ баронессой Раденъ, то сообщи ей все, что тутъ пишу о путешествіи. — П. М. Дмитріеву мое глубочайшее почтеніе. У нихъ было намѣреніе прогуляться по дорогѣ гробницъ въ Альбано и возвратиться чрезъ Фраскати. Если будутъ предлагать съ ними ѣхать, то послужи твоими знаніями. Rispetto s-re Francini e s-ra Giulia, s-ra Teresina, s-ra Luisa, Rosa e Giulia Marini, Vittoria, Lodovico ed al Sole ¹⁾. Прощай, до свиданія въ Римѣ. Пиши въ Петербургъ. Dovizelli подождеть.

ССП.

КЪ М. П. БОТКИНУ.

Парижъ. (8 мая 1858.)

Завтра я отправлюсь со скорымъ поѣздомъ въ Кёльнъ, и немедленно въ Гамбургъ, гдѣ встрѣчу, съ картиной, великую княгиню Ольгу Николаевну, и оттуда уже съ нею отправлюсь въ Петербургъ. Мнѣ объявила великая княгиня Елена

¹⁾ Мое почтеніе г-ну Франчини и г-жѣ Джуліи (т.-е. мужу и женѣ, урожд. Монтекки), г-жѣ Терезинѣ, г-жѣ Луизѣ (сестрамъ Джуліи), Розѣ и Джуліи Марини (племянницамъ хозяевъ), Витторіи и Лодовику (хозяевамъ дома: женѣ и мужу) и римскому солдцу.

Павловна, что это свиданіе должно случиться $\frac{3}{14}$ мая, но не знаю за точность: поговариваютъ, будто фарватеръ еще не довольно чистъ. Во всякомъ случаѣ изъ Петропавловской крѣпости подадутъ знать городу о пріѣздѣ ея высочества, и тогда позвольте васъ обнять въ домѣ Кранихфельда.

ССШ.

КЪ БРАТУ.

Кельнъ, 10 мая 1858, 9 ч. утра.

Любезный братъ.

Хотя мнѣ и обѣщаль одинъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ спустить цѣну за отправленіе картины, состоящую изъ 180 франковъ, но этотъ служащій какъ-то ловко скрылся, а другіе утвердительно сказали, что я заплачу за отправленіе картины до Кельна 300 фр., со скорымъ поѣздомъ, да еще приплачу 10 фр. за телѣгу, остававшуюся здѣсь цѣлую ночь. Съ помощію письма нашего посольства къ Ротшильду и отъ Ротшильда къ главному начальнику желѣзной дороги, я думалъ дѣло мое поправить, но, кромѣ полуторачасоваго ожиданія въ прихожей, я ничего тутъ не приобрѣлъ. Платье заказанное не могло поспѣть прежде третьяго дня къ полудню, а картина непременно должна была ѣхать. Такимъ образомъ, отправя ее впередъ за 300 фр., какъ мерканцію ¹⁾, я поѣхалъ на другой день, вечеромъ, на второмъ мѣстѣ, въ Кельнъ, заплативъ за мѣсто 45 фр., и 12—за чемоданъ. Каждая компанія имѣетъ собственныя свои положенія и цѣны, такъ что нормой ничего нельзя поставить. Очевидно, что разстояніе отъ Парижа до Кельна есть самое дорогое. Въдъ тутъ только 12 часовъ ѣзды! Но это еще не все: спрашивалъ я на границѣ прусской, проѣзжала ли моя картина? Они увѣрили, что видѣли ее проѣхавшею, но въ Кельнѣ объ этомъ не знаютъ: одни вчера думали, что она еще не доѣзжала, бу-

¹⁾ По-итальянски—товаръ.

дучи послана съ малой скоростью, другіе, — что она въ таможенѣ и что, несмотря на часъ послѣ полудня, въ который я объ этомъ спрашивалъ, таможня заперта по причинѣ воскресенья и не будетъ въ дѣйствиі сего дня. Оттуда сейчасъ же отправился я къ главному экспедитору, къ которому мнѣ далъ карточку самъ баронъ Ротшильдъ, увѣривъ, что онъ мнѣ все сдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, но служанка его начала было хитрить, говорить, что дома его нѣтъ; наконецъ кое-какъ ее уломалъ, вручивъ эту карточку, и онъ въ самомъ дѣлѣ явился самъ. Прочитавъ бумагу отъ посланника прусскаго въ Парижѣ объ моей картинѣ и ея свободномъ проходѣ чрезъ таможеню, данную мнѣ въ нашемъ посольствѣ парижскомъ, съ помощью Билибина и Толстаго, онъ обѣщался все сдѣлать сегодня и посѣтить меня въ Hôtel Clement, въ 9-ть съ половиной часовъ. Я его, конечно, жду съ нетерпѣніемъ, и думаю рѣшительно не выѣзжать отсюда, не получивъ картины. Видимое дѣло, что самому сопровождать несравненно лучше, чѣмъ довѣрить кому-бы то ни было, и какъ-бы ни платя. Отсюда въ Гамбургъ только 14 часовъ со скорымъ поѣздомъ, а по разному и тутъ говорятъ о фаватерѣ кронштадтскомъ: одни — что ѣдетъ изъ Штеттина первый пароходъ чрезъ два дня, т.-е. 12-го, другіе — что двѣ недѣли нужно дожидаться въ Гамбургѣ, чтобы пришелъ «Владимиръ» взять Ольгу Николаевну. Навѣрное тогда только и можно сказать, когда онъ въ самомъ дѣлѣ возьметъ ея высочество.

Кѣльнскій соборъ великолѣпенъ. Это строеніе въ самомъ дѣлѣ есть плодъ вѣрованія, выработаннаго въ сѣверномъ климатѣ германцами. Но за вѣрное можно сказать, что онъ конченъ только на бумагѣ, и никогда уже не будетъ на самомъ дѣлѣ. Въ частныхъ домахъ видно стараніе архитекторовъ пособить остроугольнымъ крышамъ — разнымъ маскированіемъ и горизонтальными линіями, что дѣло, конечно, вкуса, но не разума, противъ котораго онъ спорить.

Что Петръ Михайловичъ Дмитріевъ? Ему, пожалуйста, кланяйся.

Братъ твой Александръ.

Графа Кушелева видѣлъ въ Парижѣ; онъ меня пригласить къ обѣду истинно миѳологическому, который стоилъ 300 фр.—насъ было только 7 человѣкъ.

Нельзя ли попросить, чтобы во всю бытность мою въ Петербургѣ твои письма такимъ же порядкомъ доставлялись мнѣ туда, какъ къ тебѣ въ Асины, посредствомъ Мундуки Франчини. Впрочемъ, самъ объ этомъ подумай.

ССІV.

КЪ С. П. БОТКИНУ.

(Гамбургъ, 12 мая 1858.)

Дѣла мои такъ устроились, что я приѣхалъ сегодня съ картиной въ Гамбургъ, завтра отправляю картину въ Киль, гдѣ военный пароходъ ждетъ великую княгиню Ольгу Николаевну. Разумѣется, прежде всего ея высочество приѣдетъ въ пятницу въ Гамбургъ, а въ субботу утромъ возьметъ меня съ собой въ Киль, и оттуда въ Петербургъ съ картиной. Если есть письма ко мнѣ изъ Петербурга на имя ваше, то нельзя ли вамъ переслать ихъ ко мнѣ сюда, т.-е. въ Гамбургъ, (въ) Zing's Hotel? Кажется, во времени нельзя ошибиться: они непременно должны придти и не потеряться въ разѣздѣ. Что подѣлываетъ Иванъ Михайловичъ Сѣменовъ? Жалѣю, что его не увижу теперь. Но кто знаетъ: можетъ быть, въ Россіи, въ Москвѣ, встрѣтимся.

Матюшенко мнѣ говорилъ, что ему нужно знать, гдѣ Сѣменовъ будетъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, дабы имѣть возможность писать къ нему изъ Москвы.

Сообщите ему это, и глубоко засвидѣтельствуйте ему мое почтеніе.

ССV.

КЪ БРАТУ.

(Гамбургъ.) Среда (12 мая 1858), 7 ч. утра.

Любезный братъ!

Не досказаль я тебѣ о двойной платѣ телеги въ Парижѣ. Станціонный начальникъ разрѣшилъ, что я могу заплатить и не заплатить. Разумѣется, я остался на послѣднемъ. Въ Кѣльнѣ весьма ловко поступилъ со мною комиссіонеръ, испугавъ меня неимѣниемъ длиннаго вагона: онъ сказалъ, увѣряя, что я долженъ буду заплатить за два вагона проѣзда отсюда до Гамбурга, что составитъ 600 фр.,—вояжь 12 часовъ. Перепугавъ меня цѣной этой, онъ обѣщался стараться, чтобы ее взяли дешевле, увѣривъ, что въ Парижѣ два вагона безъ двойной цѣны даны мнѣ съ помощью Ротшильда. Но я видѣлъ столько шестиколесныхъ имперіаловъ, на которые въ Марсели давно бы мнѣ все уложили! Дѣло теперь въ томъ, что нужно здѣсь сегодня утромъ получить картину, которую я съ Парижа не видѣлъ, благодаря тому порядку, что изъ чемодана ее превратили въ мерканцію и заставили платить вдвое, отдаливъ отъ меня всякое за ней смотрѣніе. Я горько подчинялся этому измѣненному порядку, столь невыгодному въ обоихъ отношеніяхъ. Великая княгиня будетъ сюда вечеромъ въ пятницу, переночуетъ, и въ 9 часовъ, въ субботу, я къ ней представлюсь въ Hôtel de l'Еигоре, но картину нужно будетъ отправить впередъ въ Киль, на нашемъ пароходѣ «Олафъ». Здѣсь меня принялъ уполномоченный въ дѣлахъ, Кудрявскій, весьма ласково и поручилъ вице-консулу Томасу Массу вести мои дѣла.

12 мая, 11 часовъ утра.

Вотъ какую росписку получилъ отъ комиссіонера, отправившаго картину изъ Гамбурга въ Киль (слѣдуетъ росписка на нѣмецкомъ языкѣ).

Въ заключеніе заплатилъ 369 франковъ, что составляетъ 60-ю франками дороже, чѣмъ изъ Парижа въ Кѣльнѣ.

Вчера купилъ здѣсь хорошій зонтикъ въ 15 фр., сегодня покупаю пальто. Говорятъ всѣ, что нельзя безъ пальто въ Петербургѣ, и что тамъ оно вдвое дороже — я заплачу 45 франковъ.

«Робинзона путешествіе» тоже куплю, т.-е. то самое, что въ Археологическомъ Институтѣ въ Римѣ, въ шкафу, находящемся близъ окошка въ маленькой комнатѣ, съ атласомъ Синая и планомъ Иерусалима, изданное въ 1842 г. въ Галле. Пожалуйста, когда будешь въ Археологическомъ Институтѣ, то переложь атласъ въ другой шкафъ: я его положилъ въ шкафъ подлѣ, ибо крайній къ окошку, въ которомъ долженъ бы быть атласъ, принесенный и братый мною, — никакъ не могъ отворить ключомъ Генцена ¹⁾. Три книги съ атласомъ стоятъ 40 фран. — что же дѣлать? И радъ, радъ, что досталъ. Разумѣется, что частыя мои письма будутъ тебѣ стоить; пожалуйста, записывай, — я всѣ оплачу.

² $\frac{1}{2}$ по полудни. Робинзона изданіе не все въ лавкѣ. Если не сыщутъ въ городѣ, (въ) лавкахъ и (въ) библиотекѣ, нужно будетъ послать въ Галле, чтобы доставили его сюда по почтѣ.

Консуль гамбургскій напишетъ консулу Киля, чтобы принялъ картину мою. Я завтра утромъ ѣду самъ въ Киль, чтобы смотрѣть мѣсто на пароходѣ и поставить въ отдаленіи отъ печки. Я все еще не видѣлъ ящика съ картиной, и если она пріѣдетъ цѣла и невредима, то это будетъ равное тому чуду, какое ее спасло въ 1848 г. отъ бомбы.

Сейчасъ здѣсь былъ на выставкѣ художническихъ произведеній, — что это за угожденіе мелочному и тривіальному требованію публики! Впрочемъ, ландшафты случаются съ достоинствами, но все-таки портреты — ландшафтныя картины. По франку за входъ, и публики довольно, — правда, что тѣсны залы.

Пятница (14 мая), 7 часовъ утра. Вчера ѣздилъ въ Киль. Консуль нашъ, Шредеръ, тамъ принялъ меня весьма ласково и услужливо, но въ праздникъ таможи заперты, и потому въ этотъ день Вознесенія всѣ гуляли, и я картину опять-таки

¹⁾ Секретарь Археологическаго Института, извѣстный ученый, пріятель обоихъ братьевъ Ивановыхъ.

собственными глазами не видѣлъ. Шредеръ меня увѣрилъ, что онъ съ Веймарномъ все устроить, и поставить, отстороня отъ печки, картину на палубу. Капитана Веймарна съ «Олафомъ» ждали вчера же вечеромъ, въ портѣ Кіля. Во всякомъ случаѣ, сегодня вечеромъ пріѣдетъ великая княгиня въ Гамбургъ. Но завтра, вмѣсто утра, вечеромъ же отправится въ Киль. Это потому, говоритъ Шредеръ, что не успеютъ такъ скоро приготовить угольевъ для парохода.

Ты поберегай мои письма, ибо черновыхъ я не пишу. Это будетъ родъ ежедневнаго журнала моего путешествія въ Россію и, сколько видно изъ обстоятельствъ, не безъ интересовъ для памяти.

Черезъ Сергѣя Боткина изъ Берлина получилъ два письма отъ Моллера: онъ совѣтуетъ мнѣ закупить простынь и бѣлья за границей на обзаведеніе въ Петербургѣ, гдѣ все ужасно дорого, и ждетъ моего согласія, чтобы хлопотать о квартирѣ въ Академіи, состоящей въ одной комнаткѣ. Онъ сомнѣвается, пріятно-ли мнѣ будетъ жить въ Академіи, и не совѣтуетъ отказываться отъ этого, по причинѣ страшной дороговизны квартиръ. Онъ не знаетъ, что Боткинъ готовить для меня комнату. Вотъ слова изъ его письма: «Ваши «картины размѣщены у меня и у родственниковъ моихъ на «квартирахъ, ибо въ продолженіи почти 10 лѣтъ наемъ, хотя одной комнаты для нихъ, обошелся бы около 1000 р. с., «по нынѣшнимъ цѣнамъ квартиръ».

Прощай покаместъ, я приближаюсь къ Петербургу. Страшно и грустно!

Братъ твой Александръ.

Здѣшній мой комиссіонеръ Матисъ, консулъ тосканскій и португальскій, мнѣ предложилъ свои услуги погулять по городу. Онъ же мнѣ представилъ своего пріятели изъ Варшавы, здѣсь блаженствующаго, съ которымъ мы вчера были вечеромъ на двухъ улицахъ города, гдѣ, au rez-de-chaussée, въ окошкахъ, пышно убранныхъ, лежали съ открытыми руками и грудями прекрасныя дѣвы. Окошекъ до 70-ти, въ нихъ по двѣ, по три. Онѣ обыкновенно стучатся и приглашаютъ на всѣхъ языкахъ, но не смѣютъ выдти на улицу.

Эта особенность гамбургская совсѣмъ не похожа ни на лондонскую, гдѣ толпами ходятъ по улицамъ подобныя дѣвы подъ вечеръ, ни на парижскую, гдѣ ихъ должно искать въ извѣстныхъ домахъ.

Miei rispetti alle nostre preziose conoscente: Giulia Francini, s. Teresina, s. Angelica, Rosa, Giulia e Silvia Raffo.

Con gran gioja mi ricordo di loro ¹⁾.

Ivanoff.

~~~~~  
CCVI.

КЪ БРАТУ.

*Гамбургъ. Пятница, 14 мая 1858.*

Изъ Альтоны въ Киль во второмъ классѣ заплатилъ два талера датскихъ и 64 шиллинга. Какъ жаль, что я съ тобой не успѣлъ переговорить лично о возможности рыться въ Греціи. Теперь, пожалуй, ты разсердишься на меня за это. Но войди, пожалуйста, въ положеніе вещей. Вѣдь, очень можетъ быть изъ путешествія Новосельскаго, только для удовольствія, составлена дѣльная экспедиція въ пользу художниковъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ—весьма умный и дѣльный, его можно на это убѣдить, и потому скажи мнѣ рѣшительно: если бы дали тебѣ инженерныхъ солдатъ, видишь-ли ты возможность съ ними вырыть остальныя части храма Юпитера Олимпійскаго, или Аполлона въ Базарѣ? Вѣдь къ твоимъ рисункамъ если приложить какую-нибудь новость и ихъ издать, они бы не меньшаго были бы интереса, какъ и термы Каракаллы. Пожалуйста, не сердись: я, право, на этомъ не настаиваю, а только предварительно объ этомъ спрашиваю тебя на всякій случай, чтобы приготовиться говорить съ великимъ княземъ. Что касается до живописной нужды, то для меня нужно будетъ знать возможность—сдѣлать путешествіе Краснымъ моремъ, изъ

<sup>1)</sup> Мое почтеніе нашимъ драгоценнымъ знакомымъ: Джуліи Франчини (урожд. Монтекки), г-жѣ Терезинѣ, г-жѣ Анжеликѣ (ея сестрамъ), Розѣ Джуліи (объимъ сестрамъ Марини) и Сильвіи Раффо.

Суэца въ Торъ и обратно, что отстоитъ однимъ только днемъ отъ Синая. Это спасетъ меня отъ верблюжьяго 14-ти дневнаго укачиванія въ степи и мелкой пыли, съ яркимъ солнцемъ, вредными для глазъ. Не сердись, ради дѣла, — и напиши мнѣ обстоятельно и обдуманно отвѣтъ. Я совѣтоваль Сорокину и Бронникову отправиться скорѣе изъ Парижа и, по Сѣверной Италиі, помаленьку пробираться къ Риму, дѣлая этюды въ Венеціи и Флоренціи, такъ чтобы не прежде сентября послѣднихъ чиселъ быть въ Римѣ, но грубый отвѣтъ получилъ отъ Сорокина, т. е. что у нихъ денегъ не столько, и что для Солдатенкова нужно выполнить заказныя картинки, tableaux de genre. Мнѣ кажется, гораздо легче уговорить Солдатенковыхъ переменить образъ мыслей и дѣйствій, чѣмъ направить Сорокина на серьезную школу, отъ котораго непосредственно зависитъ и Бронниковъ. Познакомься съ Флавицкимъ и Ге покороче — не будутъ-ли надежнѣе эти двое для искусства въ Россіи?

De Gröfe, отставной гвардейскій офицеръ артиллеріи, весьма много меня обязалъ въ помощи покупокъ: за 6 рубашекъ, 2 простыни и 6 носовыхъ платковъ заплачено 55 франковъ; за духи — 1 талеръ прусскій; за 2 пары перчатокъ — 1 талеръ; за книги Робинзона — 50 франковъ, считая и другія двѣ. Великая княгиня будетъ въ 10 часовъ вечера, посему я отправлюсь въ синагогу въ сумерки.

*Суббота, 15 мая.* Въ самомъ дѣлѣ, вчера, въ 10 часовъ вечера, пріѣхала великая княгиня Ольга Николаевна. Сегодня, въ полдень, я имѣлъ счастье представляться ея высочеству. Чрезвычайно благосклонно она меня приняла и сказала, что мы отправимся завтра, въ воскресенье. Но парохода все еще нѣтъ! — *Полдень.* Сейчасъ иду искать фрейлину Масенбахъ и ей засвидѣтельствовать поклонъ отъ Радень. — *1 1/2 ч. по полудни.* Просиль ея поднести мои двѣ большія фотографіи великой княгинѣ и супругу ея, который вскорѣ послѣ пріѣзда ея высочества будетъ въ Петербургѣ. Необыкновенная доброта у этой фрейлины, а также и у главнаго камергера ея высочества — не упомяну его фамиліи! По всѣмъ вѣроятіямъ, мы всѣ отправимся завтра вечеромъ, и, не оставиваясь въ Килѣ, прямо садимся на пароходъ. Знаешь-ли,

почему Киль предпочтѣнъ Штеттину, откуда гораздо скорѣе можно поспѣть въ С.-Петербургъ? Это потому, что, касаясь Штеттина, нужно имѣть свиданіе со всѣмъ прусскимъ дворомъ, что заняло бы и много времени, и удвоило бы издержки. Голштинскій дворъ тоже проситъ свиданія, но кажется, что это будетъ уклонено, ибо мы сядемъ на пароходъ ночью. Такъ какъ на это письмо скорѣй мнѣ нуженъ твой отвѣтъ въ Петербургъ, то я его сейчасъ же и посылаю,—пожалуйста, не замедли.

Великая княгиня Ольга Николаевна спрашивала о тебѣ. Я сказалъ, что ты все выполнилъ, для чего тебя послала Императрица въ Грецію; что приводишь въ доступный видъ для всѣхъ—набранные тамъ матеріалы, но что на награвированіе термъ Каракаллы у тебя не достаютъ способы, что, можетъ быть, съ помощью великой княгини Елены Павловны приобрѣтутся. Извѣсти, пожалуйста, меня, какъ твои дѣла стоятъ: видѣлся ли ты съ великою княгинею Еленою Павловною, и какія вышли послѣдствія? Прощай, покаместъ.

Братъ Александръ.

*Суббота, 2 часа по полудни.* Я думаю, что никогда такимъ плохимъ французскимъ языкомъ не говорили у двора русскаго, какимъ я теперь начинаю тамъ говорить. Это тоже причислено можетъ быть къ моимъ бѣдствіямъ.

Гофмаршалъ мнѣ говорилъ, что онъ читалъ въ «Инвалидѣ» извѣстіе о петербургской выставкѣ, гдѣ говорится, что важнѣйшее произведеніе еще не доходило до Петербурга, т.-е. моя картина, которую, однакоже, вся публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ. Я сказалъ, что великая княгиня Елена Павловна даетъ мнѣ свою важнѣйшую залу въ Михайловскомъ дворцѣ. Гофмаршалъ былъ радъ этой новости.



## ССVII.

## КЪ БРАТУ.

*Гамбургъ. Воскресенье (16 мая) 1858, 2 часа по полудни.*

Справился у гофмаршала Аделунга, когда отправится ея высочество, и получилъ въ отвѣтъ, что пароходъ пріѣхалъ; что ждуть въ пять часовъ изъ Килия флигель-адъютанта, посланнаго на встрѣчу великой княгини отъ Государя, вмѣстѣ съ Веймарномъ, капитаномъ парохода,—они будутъ вмѣстѣ обѣдать съ великою княгинею. Я приду за рѣшительнымъ отвѣтомъ въ 7-мъ часовъ. Мнѣ сказалъ Аделунгъ, чтобы отправиться завтра, въ понедѣльникъ, въ 10 часовъ, на желѣзную дорогу.

*Понедѣльникъ (17 мая).* Я отправился въ 7-мъ часовъ изъ гостинницы, ибо  $\frac{1}{2}$  ѣзды до желѣзной дороги. Тутъ засталъ самого Веймарна и, пріѣхавъ въ Киль, видѣлъ ящикъ съ картиной, стоящій близъ парохода. На вопросъ мой: будетъ ли для меня каюта?—Веймарнъ отвѣчалъ, что большое находить въ этомъ затрудненіе, ибо свита весьма велика, но послѣ одинъ изъ офицеровъ русскихъ, при выходѣ моемъ съ парохода, сказалъ, что если для 250 человѣкъ находится мѣсто, то для одного навѣрное сыщется. Я поторопился отправиться къ консулу русскому Шредеру, чтобы сдѣлать распоряженіе оставленнымъ у него тремъ пакетамъ съ печатями, и скорымъ шагомъ отправился домой. Кровь, показавшаяся изъ носу, сначала мнѣ показалась обыкновеннымъ дѣломъ, ибо наканунѣ въ Гамбургѣ вытекло со стаканъ. На этотъ разъ она не переставала. Какъ полилъ третій стаканъ, я послалъ за докторомъ, который едва ее унялъ, посредствомъ полосканья, на пятомъ стаканѣ. Это было (въ) два часа по полудни, и я думалъ было встать съ постели для присутствія при перенесеніи картины на пароходъ, но только что поднялся на ноги, какъ обморочный припадокъ свалилъ меня снова на постель. Распространился слухъ, что я боленъ, и прислали военнаго доктора съ парохода, завѣдывающего всѣмъ экипажемъ. Онъ совѣтовалъ успокоиться на по-

стели и не думать болѣе объ отъѣздѣ, а консуль бережно взялся препроводить картину на пароходъ. Я далъ порученіе доктору препроводить мои пакеты въ контору великой княгини Елены Павловны. Въ 8 часовъ пріѣхала великая княгиня, и самъ Аделунгъ явился ко мнѣ съ военными, русскимъ и датскимъ, докторами, сказавъ мнѣ отъ имени великой княгини, что все поручается на мою собственную волю, что отъ меня зависитъ ѣхать, или нѣтъ. Я сказалъ, что обмокъ, свидѣтельствуемый докторами, меня останавливаетъ, и что я поручаю великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ мою картину открыть и поставить. Но Аделунгъ отвѣтилъ, что моего личнаго пріѣзда въ Петербургъ картина въ ящикѣ будетъ стоять въ Царскомъ Селѣ. Вообще надобно замѣтить, что Государь уже три дня какъ живетъ на дачѣ; вся царская фамилія тоже живетъ по дачамъ, и, слѣдовательно, никакой разницы не дѣлаетъ моя запоздалость, одной или двумя недѣлями.

(Среда, 19 мая.) Вчера, во вторникъ, я чувствовалъ себя столь слабымъ, что едва на полчаса подъ руки могъ сходить прогуляться къ вечеру въ садъ трактира, въ которомъ остановился. Эту ночь хорошо спалъ. Докторъ позволилъ ѣсть, но все еще я на лѣкарствѣ. Силы умножаются, и я думаю, что въ пятницу утромъ буду въ Гамбургѣ, а въ воскресенье, если силы позволятъ, отправлюсь къ доктору Боткину въ Берлинъ, гдѣ и буду съ нимъ совѣтоваться, какъ на счетъ моего здоровья, такъ и о возможности дальнѣйшаго пути: моремъ ли, чрезъ Штеттинъ, что составляетъ 2 1/2 сутокъ, или чрезъ Кенигсбергъ на перекладныхъ, что совсѣмъ не по силамъ для самаго лучшаго здоровья, или, наконецъ, чрезъ Варшаву; но тутъ, какъ помнится, нужно занимать мѣста въ дилижансѣ мѣсяцемъ раньше. У меня, признаюсь, все приходитъ въ голову: нельзя ли совсѣмъ избавиться отъ посѣщенія Петербурга? Но для этого мало данныхъ, а въ самомъ дѣлѣ именно это меня болѣе всего тревожитъ. Послушаю, что скажутъ посланникъ въ Берлинѣ и докторъ. Что касается до мнѣнія русскаго доктора, то оно-то мнѣ и подало эту идею. Онъ говорить, что послѣ столь долгаго пребыванія въ Римѣ, климатъ Петербурга мнѣ, очевидно, бу-



дѣть вреденъ, и что мнѣ нужно будетъ опять возвратиться въ Римъ. Если бы можно было возвратиться сейчасъ къ тебѣ въ Римъ, то ужъ лучше этого ничего бы не могло быть. Посмотримъ, что будетъ. Кому поручишь картину? Кто захочетъ хоть сколько-нибудь хлопотать?

Прощай. Знаю, что это письмо тебя встревожитъ, но еще хуже было бы, если бы я его не послалъ, и до тебя бы дошли и преувеличенные слухи, и искаженные басни, которые всегда являются, когда нѣтъ прямыхъ извѣстій. Я постараюсь къ тебѣ написать скоро, и что-нибудь поутѣшительнѣе, но всегда, однакоже, правду. Salute a tutte vostre preziose conoscenti: a Vittoria, Lodovico etc. etc <sup>1)</sup>. Если еще Петръ Мих. Дмитриевъ въ Римѣ, то передай ему все обо мнѣ и скажи, что я представлялся къ фрейлинѣ Масенбахъ по совѣту Raden, и что чрезъ нее поднесъ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ двѣ большія мои фотографіи, и чрезъ нее же получилъ благодарность. Отбери, пожалуйста, адресъ Дмитриева въ Ниццѣ и скажи, сколько онъ тамъ останется. Напиши мнѣ въ Берлинъ, но тотчасъ, однакоже, по полученіи этого письма. Если твое письмо меня тамъ не застанетъ, то мнѣ перешлютъ туда, гдѣ я буду. Адресъ мой въ Берлинъ: Herrn D-r Botkin. Berlin, Luisen-Strasse, № 47, 2 Treppen.

*Киль. Среда, 19 мая 1858.*

Здѣсь познакомились со мной вчера Крузе,—ихъ два брата, говорятъ по русски и имѣютъ здѣсь собственностью прелестнѣйшее мѣсто. Я къ нимъ отправлюсь завтра.

~~~~~  
ССVІІІ.

КЪ С. П. БОТКИНУ.

(Киль, 18 мая 1858.)

Вчера я долженъ былъ сѣсть на пароходъ «Олафъ», по приглашенію великой княгини Ольги Николаовны. Только

¹⁾ Кляяюсь всѣмъ нашимъ драгоценнымъ знакомымъ: Витторіи, Лодовику (т.-е. хозяйкѣ и хозяину дома), и проч.

что успѣли поставить туда картину мою, какъ вдругъ со мной сдѣлался припадокъ, совсѣмъ никогда не бывалый въ такой степени: пошла изъ носу кровь, и вытекло пять стакановъ. Докторъ едва могъ унять, послѣ чего послѣдоваль обморокъ, въ первый разъ въ жизни, и по совѣту, какъ здѣшняго датскаго, такъ и русскаго (доктора) съ парохода, я остался отдыхать въ гостинницѣ два дня, т.-е. сегодня и завтра. Докторъ думаетъ меня отпустить послѣ завтра въ Гамбургъ, гдѣ я отдохну день, послѣ чего отправлюсь къ вамъ въ Берлинъ, какъ для совѣщанія о моемъ здоровьѣ, такъ и для совѣта, какъ продолжать путь. Мнѣ никто не совѣтуетъ ѣхать моремъ въ Петербургъ, ибо морская болѣзнь можетъ возбудить кровотеченіе. Дѣло теперь покамѣстъ въ такомъ положеніи: остановиться ли у васъ, или въ гостинницѣ Тепферъ? Право, мнѣ весьма совѣстно васъ беспокоить моимъ нашептвѣмъ, хотя я постараюсь въ Берлинѣ пробыть не долго, или, лучше сказать, только отдохнуть отъ дороги, по причинѣ слабости силъ, а главное—посоветаться съ вами, въ продолженіи моего вояжа, и, если можно, то съ какимънибудь важнѣйшимъ докторомъ Берлина, котораго вы же мнѣ назначите.

Благодарю васъ за немедленную присылку писемъ. Если соблаговолите писать ко мнѣ, то или въ Киль, или въ Гамбургъ. Напишите немедленно объ этомъ обстоятельствѣ въ Петербургъ, къ Михаилу Петровичу. Ему я тоже буду писать, какъ только-что оправлюсь.

Я, можетъ быть, здѣсь останусь еще лишній день; сегодня что-то я очень слабъ, и на діэтѣ; все какъ-то тошно. Спать какъ-то хочется, а въ самомъ дѣлѣ засыпаю самымъ слабымъ сномъ.

ССІХ.

КЪ БРАТУ.

Штеттинъ. Суббота, 29 мая 1858 (н. с.).

Любезный братъ.

Пріѣхавъ въ Киль, я думалъ, что издержки дорожныя кончились до Петербурга, но счетъ, поданный въ Мюльотель, былъ въ 90 франковъ. Отсюда я поѣхалъ въ Гамбургъ и, переночевавъ въ Zing's Hôtel, на другой день въ субботу отправился въ Берлинъ, гдѣ былъ принять обществомъ нашихъ молодыхъ докторовъ: Боткинымъ, Юнгомъ, Бекерсомъ, Шеферомъ, Боголюбовымъ и Визаромъ. Переночевавъ у перваго на приготовленной мнѣ постели, на другой день, въ воскресенье, явился рано утромъ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, извѣстный профессоръ московскаго университета. Я ходилъ въ посольство, и былъ принять весьма ласково Будбергомъ, посланникомъ. Здоровье мое совсѣмъ поправилось, и я во вторникъ уже не чувствовалъ головной боли по утру, что было слѣдствіемъ болѣзни. Однакоже, блѣдность на лицѣ все еще замѣтна, и я все еще продолжаю принимать желѣзо въ капляхъ, что нужно продолжать недѣли съ двѣ, по 4-е раза въ день. Чрезъ часъ я сажусь на пароходъ, и уже это будетъ окончаніе путешествія. Билетъ стоитъ во второмъ мѣстѣ 8 наполеондоровъ. Поѣздъ въ Берлинъ изъ Гамбурга на третьемъ мѣстѣ стоилъ 20 франковъ, и три талера на второмъ мѣстѣ въ Штеттинъ. Въ Берлинѣ не много оставилъ я денегъ, благодаря Сергѣю Петровичу Боткину. Новости изъ Россіи довольно печальныя, т.-е. отставлены отъ двора: Кавелии и Титовъ. Подробности этого дѣла я услышу въ Россіи, но П. М. Дмитріевъ уже, вѣроятно, тебѣ о нихъ сообщилъ. Любезная компанія докторовъ оставила весьма пріятное впечатлѣніе. Разговоръ свободный, дѣльный и умѣренный. Встрѣтился со мной какой-то русскій молодой художникъ, посланный на казенный счетъ за вторую золотую медаль за границу, по исторической живописи,

имѣющій 5000 душъ и принадлежащій къ грузинскимъ пар-
ственнымъ фамиліямъ. Онъ говорилъ, что ждетъ Павла Со-
рокина со дня на день въ Штеттинъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать
въ Римъ, а Сорокинъ между тѣмъ отправился, передъ отъ-
ѣздомъ въ Римъ, въ Кострому, повидаться со своими; гру-
зинскій же князь—пенсіонеръ, честь живописцамъ, завелся
здѣсь любовницей, которая желаетъ перейти въ наше испо-
вѣданіе изъ лютеранскаго. Онъ имѣетъ Георгія за храбрость
при взятіи Карса, и только три дня какъ оставилъ костыли.
Ну, прощай покамѣсть. Постоянное общество и разговоры
въ Берлинѣ, новыя знакомства съ семействомъ Адама, купца
богатаго въ Москвѣ и весьма добраго человѣка, пресѣкли
последовательное замѣчаніе каждаго дня въ вояжѣ, какъ я
хотѣлъ то дѣлать съ начала. Очень можетъ быть, что въ
Петербургѣ еще труднѣе будетъ это сдѣлать, ибо тамъ уже
будетъ наводненіе знакомствъ, а у меня при общеніи съ
многими теряется способность наблюденія, и вообще какъ-то
онѣмѣваю въ чувствахъ. На пароходѣ со мной, кажется,
будутъ русскіе: по крайней мѣрѣ, тутъ сядетъ Убри, совѣт-
никъ посольства въ Берлинѣ, ѣдущій курьеромъ въ Петер-
бургъ. Грустилъ и пугался я Петербурга постоянно, но се-
годня у меня какое-то онѣмѣніе, и я сажусь въ этомъ чув-
ствѣ на пароходъ. Прощай, что будетъ—напишу.

Братъ Александръ.

Miei saluti alle preziose conoscenti: ss. Giulia, Teresina,
Rosa, Giulia, Silvia ed Elena, Vittoria e Lodovico etc. etc. ¹⁾.

ССХ.

КЪ БРАТУ.

Петербургъ, 23 мая (1858), по старому стилю.

Любезный братъ.

Мы имѣли погоду довольно хорошую во всѣ трое сутокъ,
и я пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ Павломъ

¹⁾ Мой поклонъ дорогимъ знакомымъ: синьорамъ Джуліи, Терезинѣ, Розѣ,
Джуліи, Сильвіи и Еленѣ (сестрамъ Монтекки), Витторіи и Лодовику, и проч.

и Михаиломъ Петровичами Боткиными. Книги у меня отобрали въ цензуру, и сегодня я ихъ оттуда получу. Походивъ по Петербургу, въ тотъ же день я успѣлъ замѣтить все вновь выстроенное. Однакоже, со всѣмъ этимъ улучшеніемъ наша столица въ моихъ глазахъ весьма и грязна, и мелка, въ сравненіи съ Лондономъ, Парижемъ и даже Гамбургомъ, гдѣ новая часть весьма любопытна, даже для архитектора. На другой день по пріѣздѣ, я отправился въ Царское Село—это быть день Царя-Константина и матери (его) Елены, и долженъ бы быть парадъ въ Павловскѣ у Константина Николаевича. Я думалъ, что я тамъ найду всю царскую фамилію; однакоже, за ужасной погодой, празднество было отложено, и Марія Николаевна туда не пріѣзжала изъ Сергіевки. Почему, посовѣтовавшись съ графомъ Віельгорскимъ, принявшимъ меня отличнѣйшимъ образомъ, положилъ, что прежде всего нужно представиться Маріи Николаевнѣ, какъ къ прямому начальнику. Узналъ я здѣсь то, что мою картину, т.-е. ящикъ, провезли во дворецъ Зимній. Здѣсь же, по совѣту графа Віельгорскаго, я представлялся къ графу Адлербергу—благодарить его за присылку 200 червонныхъ въ Киль, чтобы пособить болѣзненному моему положенію. Эту особую милость испросила Ольга Николаевна у Государя Императора. Эти деньги еще не возвращались изъ Киля въ Петербургъ, но онѣ мнѣ необходимы теперь, потому что издержки на экипажъ, разѣзды то въ Царское, то въ Петербургъ, въ закрытыхъ каретахъ, и выставка картины,—составятъ счетъ. Пяльца, напримѣръ, для картины я заказалъ на свой счетъ, потому что совсѣмъ нѣтъ времени дожидаться формальной бумаги отъ живущихъ на дачахъ важнѣйшихъ лицъ. Государь ѣдетъ послѣ освященія Исаакіевскаго собора въ Архангельскъ, а пріѣдетъ со всей царской фамиліей въ Петербургъ за три дня прежде освященія; къ этому времени, т.-е. за четыре дня прежде, картина должна быть уже представлена, и дѣло мое рѣшено. А я вчера, ѣздя на пароходѣ къ Маріи Николаевнѣ, простудился, и получилъ-было холеру; однакожъ, принятые мѣры лучшимъ нашимъ докторомъ—Тарасовымъ, служащимъ у Елены Павловны, совершенно меня возстановили, съ условіемъ, однакоже, сегодня цѣлый день быть до-

ма. Я и просилъ Михаила Петровича свезти письма въ Царское Село для графовъ Віельгорскаго и Адлерберга отъ Маріи Николаевны сегодня: именно сегодня я бы долженъ былъ представиться и Государю Императору, и обѣимъ Императрицамъ, и Ольгѣ Николаевнѣ, но докторъ рѣшительно не пустилъ. Не знаю, можно ли будетъ это поправить завтрашнимъ днемъ. Докторъ обѣщаетъ.—Марія Николаевна приняла меня весьма благосклонно: я оставался у ней почти полтора часа, разсматривали мою фотографію, говорили о тебѣ, т.-е. гравировать ли ты Термы. Я сказалъ, что тутъ нужно 2,000 руб. сереб., и что ты теперь не много имѣешь остальныхъ денегъ, пожалованныхъ Императрицей на путешествіе въ Грецію; что на эти остальные теперь живешь въ Римѣ, приводя въ доступный порядокъ для всѣхъ—матеріалы, привезенные изъ Греціи. Ея высочество имѣетъ намѣреніе отправиться на зиму въ Римъ. Спрашивала о будущихъ моихъ планахъ. Я сказалъ, что твердое имѣю намѣреніе отправиться на зиму въ Палестину съ тобой, если только благополучно разрѣшатся мои здѣсь дѣла. «А потомъ куда?»—спросила великая княгиня. «Я бы желалъ на нѣкоторое время въ Римъ, чтобы привести тоже въ порядокъ набранные матеріалы». Настоящая моя болѣзнь можетъ тоже ихъ увѣрить, что климатъ Петербурга меня скоро можетъ изувѣчить. Приѣхавъ рано изъ Царскаго Села, я, по назначенію графа Віельгорскаго, былъ у Бруни. Не заставъ его дома, отправился къ графу Толстому—онъ также ласковъ, какъ и всегда; графиня была очень рада меня видѣть, просила на чай, къ обѣду и проч. Потомъ опять отправился къ Бруни, котораго встрѣтилъ у порога—онъ приѣхалъ съ дачи. Посмотрѣлъ на меня довольно странно; однакоже, послѣ мы разговорились и просидѣли два часа. Кромѣ услугъ, обѣщанныхъ мнѣ по поводу моей картины, онъ подъ конецъ хотѣлъ показать мнѣ свои новые эскизы и просить мнѣнія моего и совѣта. Приглашалъ къ себѣ на дачу, на чай и проч. Много говорили объ иконной живописи, о князѣ Гагаринѣ. Объ этихъ-же предметахъ довольно длинный былъ разговоръ съ великой княгиней Маріей Николаевной, которая-было вспыхнула при моемъ противорѣчій. Я, однакоже, у нея заключилъ тѣмъ, что пока не увижу прак-

тическимъ образомъ приложенными эти всѣ идеи, до тѣхъ поръ не иначе могу себѣ это представлять, какъ въ развитіи живописи въ Италіи, ибо тутъ только, при первоначально византійской, живопись начала усваивать себѣ и болѣе вкуса, и основательность рисунка, и вѣрность воздушной и линейной перспективы. Это самое говорить и Бруни.

Три часа съ половиною по полудни. Сейчасъ возвратился изъ Царскаго Села М. Боткинъ, и сказалъ, что графъ Адлербергъ еще не знаетъ, будетъ-ли Государево соизволеніе выставить картину въ Зимнемъ дворцѣ, и можно ли будетъ сегодня доложить объ этомъ Государю. Однакоже, графъ Віельгорскій думаетъ, что это будетъ въ мою пользу. Я завтра иду къ графу Віельгорскому утромъ, и, можетъ быть, получу окончательное рѣшеніе. Марія Николаевна меня спрашивала, гдѣ я думаю выставить картину—не въ Академіи-ли? Я сказалъ, что хоть и предложила мнѣ Елена Павловна свой дворецъ, но такъ какъ картина уже въ Зимній дворецъ привезена, и Государь три дня будетъ тамъ жить до освященія Исаакіевскаго собора, то думаю, что самое удобное ее тамъ и выставить, если только это возможно. И вотъ, вслѣдствіе этого, она мнѣ вручила два письма, которыя возилъ Боткинъ въ Царское Село.

Отъ загороднаго дворца Маріи Николаевны до желѣзной дороги нѣтъ никакихъ сообщеній, вслѣдствіе чего ея высочество предложила мнѣ свою карету, чтобы меня туда проводить. Сначала кучеръ, а потомъ унтеръ-офицеръ желѣзной дороги пристально на меня смотрѣли, видя царскую карету, занимаемую лицомъ безъ орденовъ и мундира.

Константинъ Андреевичъ Тонъ, на дачѣ у Кузьмина, справлялъ свои именины, и потому я его не засталъ дома. Алекс. Павл. Брюлло тоже на дачѣ, и я видѣлъ на лицо только еще Басина, который меня принялъ весьма мило, просиль, когда угодно, на чай и обѣдъ. Вотъ все, что пока мѣстъ могъ сдѣлать. Иордана встрѣтилъ на дорогѣ—онъ сей-чай съ изумленіемъ цѣловаться, а жена его, съ какой-то дамой, прошла гордо впередъ. На другой день онъ прислалъ записку съ приглашеніемъ къ обѣду, но я извинился недостаткомъ времени, и просилъ четыре дня сроку для приве-

денія моихъ визитовъ къ высокимъ людямъ въ полный порядокъ, послѣ чего я уже буду свободнѣе.

Дороговизной Петербургъ равняется, и даже въ иныхъ мѣстахъ, превышаетъ Лондонъ, но мостовой изумилъ меня: неудобныя дрожки едва меня не вываливаютъ, натываясь на ямы и ухабы. Это меня постоянно поражаетъ. Бѣдность ощутительна послѣ Европы, въ особенности послѣ Англии и Пруссіи. Въ Пруссіи рѣдкость кого-нибудь встрѣтить въ изношенномъ платьѣ, а у насъ безпрестанно, въ особенности (людей) простаго званія.

Досаднѣе всего будетъ, если фотографіи, посланныя изъ Рима посредствомъ Куччони, не придутъ на-дняхъ въ Петербургъ. Я просилъ Щепкина, на имя котораго были онѣ адресованы въ Москву, немедленно извѣстить о ихъ полученіи гг. Боткиныхъ въ Петербургѣ, но Боткины здѣсь письма отъ Щепкина не получали, и я далъ Визару, уѣхавшему сегодня въ полдень въ Москву (порученіе) обо всемъ этомъ справиться въ Москвѣ у Щепкина, и написать къ тебѣ въ Римъ, въ случаѣ, если онѣ все еще въ Москвѣ не получены. Куччони ихъ послалъ чрезъ Фабри, извѣстнаго продавца эстамповъ, что (на) via San Giuseppe Capo le case.

Я съ нетерпѣніемъ жду твоего письма. Что Желѣзновъ? Говорила великая княгиня, что Сорокинъ, Евграфъ, получилъ казенное содержаніе, чтобы ѣхать на Аѳонскую гору. Что ты объ этомъ знаешь?

Прощай. Братъ Александръ.

11 часовъ вечера. Я совершенно здоровъ, и завтра выхожу.

Miei rispetti alle preziose conoscenti, e a (tutti) chi s'interessano di me ¹⁾.

¹⁾ Мое почтеніе дорогимъ знакомымъ и всѣмъ, кто мною интересуется.

ССХІ.

КЪ БРАТУ.

Петербургъ. Вторникъ, мая 27, 1858.

Въ субботу я получилъ бумагу слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ—привезенную вами изъ Рима картину вашей работы выставить въ Зимнемъ дворцѣ въ одной изъ залъ по вашему избранію, и, по осмотрѣ этой картины Его Величествомъ, допустить публику видѣть оную. Сообщивъ сію Высочайшую волю г-ну оберъ-гофмаршалу графу Шувалову, увѣдомляю объ оной васъ, милостивый государь, и прошу, доставивъ означенную картину въ Зимній дворецъ, выбрать мѣсто для ея постановки. Министръ Императорскаго Двора гр. Адлербергъ».

Обрадовались всѣ дома, получивъ эту бумагу. Домомъ я называю: Михаила Боткина, Сергѣя Петровича Постникова—его двоюроднаго брата и художника, вмѣстѣ со мной живущаго, и ихъ приверженцевъ, весьма добрыхъ и дѣльныхъ людей. Отправляемся къ Бруни на дачу. Бруни, прочитавъ это именное повелѣніе, говоритъ, что ничего не можетъ сдѣлать, ибо бумага писана не къ нему, а ко мнѣ. Въ воскресенье утромъ я опять отправился въ Царское Село для испроса бумаги для Бруни, и самъ графъ Виельгорскій просилъ при мнѣ графа Шувалова объ этомъ. Тотъ, взявъ попавшійся первый листъ, начертилъ по-французски карандашомъ приказъ для Бруни. Приѣхавъ въ воскресенье назадъ, за моимъ обѣдомъ пришла бумага отъ Бруни, съ новымъ именнымъ повелѣніемъ для его превосходительства, которую я прочитавъ, поручилъ человѣку благодарить его превосходительство за такую любезность. Въ понедѣльникъ, въ 8-мъ часовъ, назначено было у насъ свиданіе съ Бруни въ Зимнемъ дворцѣ, куда уже принесены были золотая рама и пяльца. Раскупили ящикъ безъ таможеннаго чиновника, и все тамъ было цѣло. Это не то, что съ пакетами, гдѣ ящикъ съ альбомами моими и важнѣйшими книгами былъ разбитъ на пароходѣ въ Дрездги, и сызнова былъ обернуть клеенкой съ печат-

тями конторы, для сохраненія — это было крайне неприятно: все смотрѣли (кромѣ шляпы, тутъ же отправленной), правда, что не въ таможнѣ, а въ конторѣ ея высочества Елены Павловны. Съ Бруни мы, вытащивъ цилиндръ съ картиной, понесли её въ Бѣлый залъ, гдѣ по послѣдней бумагѣ она должна быть выставлена до четверга вечера, а потомъ перенесена въ Испанскую галерею Эрмитажа.

Вторникъ. Сегодня былъ приемъ кронъ-принца, прѣхавшаго изъ Штуттгардта, т.-е. супруга Ольги Николаевны. Я хотя и ѣздилъ въ Петергофъ, но засталъ только Марию Николаевну, которая назначила мнѣ свиданіе во дворцѣ въ среду, чтобы видѣть картину.

Четвергъ, 29 мая.) Вотъ копія съ двухъ бумагъ о тебѣ:

1. «Г-ну вице-президенту Императорской Академіи Художествъ. Посланникъ нашъ въ Греціи, г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Озеровъ, сообщилъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи въ Афинахъ русскаго художника по части архитектурной, воспитанника Императорской Академіи Художествъ, Иванова, и о томъ выгодномъ впечатлѣніи, какое онъ тамъ по себѣ оставилъ. Копію съ отношенія г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Озерова по этому предмету имѣю честь при семъ препроводить къ вашему сіятельству. Товарищъ министра Толстой. Директоръ, генераль-маіоръ Ковалевскій.»

2. «Копія съ отношенія г. російско-императорскаго посланника въ Греціи къ г-ну товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 3 мая 1858 г., № 151.—На-дняхъ оставилъ Афины русскій художникъ по архитектурной части, Ивановъ, воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ и братъ академика Иванова, извѣстнаго по картинѣ своей «Явленіе Спасителя на Иорданѣ». Архитекторъ Ивановъ прѣвелъ здѣсь семь мѣсяцевъ. Благодаря всемилостивѣйшему пособію, дарованному ему отъ щедротъ Ея Величества Государыни вдовствующей Императрицы, онъ могъ осуществить давнишнее желаніе свое—изучить греческія древности въ Афинахъ. Съ неутомимымъ усердіемъ и примѣрною добросовѣстностью успѣлъ онъ вымѣрить храмы: Парѣенонъ, Эрехтея, Тезея, Безкрылой Побѣды, и Пропилеи — именно всѣ тѣ памятники,

которые были воздвигнуты въ самое цвѣтущее время архитектуры въ Греціи. Онъ снялъ съ крайнею точностію планы этихъ зданій и детали капителей, карнизовъ, фризовъ и колоннъ, а также разобралъ и изучилъ приемы строительнаго производства древнихъ. Къ концу пребыванія своего здѣсь, г. Ивановъ видѣлъ оконченнымъ разрытіе театра Ирода-Аттика, который, принадлежа къ эпохѣ римскихъ построекъ, конечно, не отличается столь сильнымъ изящнымъ чувствомъ, какъ вышеупомянутые греческіе памятники, но поелику онъ представляетъ въ той части своей, гдѣ была самая сцена, по своей сохранности, неоспоримый интересъ, какъ новый документъ устройства этой части древнихъ театровъ, то г. Ивановъ побудился снять планъ и этого зданія. Съ портфелемъ, полнымъ новыхъ и любопытныхъ данныхъ, архитекторъ нашъ возвратился въ Римъ, гдѣ, съ помощью прекрасной бібліотеки Археологическаго Института, богатой древними авторами, займется начертаніемъ чистыхъ рисунковъ вымѣренныхъ имъ памятниковъ и разборомъ ихъ. При милостивомъ покровительствѣ императорскаго дома, столь высоко сочувствующаго всему изящному, г. Ивановъ надѣется издать свой трудъ, которому можно предсказать европейскую извѣстность. Здѣсь произвелъ онъ самое выгодное впечатлѣніе. Я имѣлъ счастье представлять его ихъ величествамъ королю и королевѣ, которые, зная уже о его неутомимыхъ розысканіяхъ, изволили оказать нашему художнику самое благовольтельное расположеніе. Мнѣ, какъ русскому и какъ представителю императорскаго правительства, крайне лестно слышать было здѣсь всеобщій голосъ одобренія въ пользу г. Иванова. Его основательная образованность, при скромности и благовоспитанности, которыя я могъ оцѣнить при ежедневныхъ почти съ нимъ сношеніяхъ, оставили въ Греціи самое благопріятное понятіе о художникахъ нашихъ, и можно только желать, чтобы здѣсь почаще появлялись соотечественники съ такимъ направленіемъ и съ такою любовью къ наукѣ, каковыми отличался г-нъ Ивановъ. Считаая долгомъ довести о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, прошу васъ, м. г., принять и пр. Вѣрно: коллежскій совѣтникъ Михайлъ Воеводинъ.»

Эти два письма я нашель вчера въ среду, въ 6 час. по полудни, на столѣ у вице-президента, который, на просьбу мою скопировать ихъ, согласился, и я вчера-же отправилъ ихъ назадъ къ нему.

Среда (28 мая) началась поднесеніемъ Кавелину фотографіи съ надписью: «Въ знакъ глубочайшаго уваженія». Онъ очень замѣшался, извиняясь, что принимаетъ меня въ халатѣ. Потомъ пустился я во дворецъ, гдѣ узналъ, что Государь будетъ изъ Царскаго въ 11 часовъ. Оттуда пошелъ искать домъ Монферрана, чтобы вручить ему письмо е. в. Маріи Николаевны. Французъ принялъ меня по-европейски, показывалъ сокровища своего дома, и назначилъ быть около двухъ часовъ въ своемъ бюро. Я съизнова во дворецъ, гдѣ, послѣ долгихъ, полузначущихъ разговоровъ съ Бруни у окна противъ императорскаго подъѣзда, замѣтили (мы) Государя, несущагося со свитой и двумя дежурными въ тройкѣ. Вышли мы всѣ на верхъ лѣстницы. И вотъ, Государь проходитъ съ Николаемъ Николаевичемъ, кланаясь намъ; потомъ, обернувшись, спросилъ мою фамилію; я вышелъ изъ ряда и подошелъ къ Его Величеству. Государь протянулъ руку, я робко дотронулся, а онъ пожалъ, и поздоровался весьма привѣтливо. Спросилъ, гдѣ же картина, и тотчасъ я его повелъ въ Бѣлый залъ, гдѣ она была для этого выставлена. Я было хотѣлъ пропустить Николая Николаевича тоже впередъ, однакоже онъ мнѣ сказалъ слѣдовать тотчасъ за Государемъ. Государь вспомнилъ, что видѣлъ ее начатою въ Римѣ. Спрашивалъ о значеніи фигуры раба, и разсматривалъ ее довольно подробно; благодарилъ меня весьма. Послѣ чего графъ Адлербергъ, князь Долгорукій—министръ военныхъ дѣлъ, и князь Горчаковъ — иностранныхъ дѣлъ, оставались смотрѣть. Ихъ настигла Марія Николаевна: она сѣла на диванъ, и уже тутъ много подробныхъ было разъясненій и вопросовъ, особливо дамы, сидѣвшей подлѣ ея. Послѣ чего ея высочество очень долго шопотомъ говорила съ Адлербергомъ, и я нѣсколько долженъ былъ быть въ сторонѣ. Здѣсь-то, кажется, рѣшались моя участь и опредѣленіе картины, послѣ чего общество раздѣлилось на двѣ части: я съ Маріей Николаевной говорили, что картина несравненно выиграетъ, если

будетъ поставлена, какъ и предполагають, въ Испанской залѣ Эрмитажа, а Бруни успѣлъ убѣдить гофмаршала Шувалова, чтобы её оставить на этомъ-же мѣстѣ и для публики, гдѣ она освѣщается неравно и рефлекціями, т.-е. снизу свѣтъ на лѣвый уголъ картины, въ срединѣ—рефлекція отъ другаго окна, а прочее—въ потолокъ. Не знаю, чѣмъ окончить, но я чрезъ часъ ѣду къ графу Віельгорскому объ этомъ говорить. Изъ дворца отправился я къ вице-президенту, по желанію Маріи Николаевны, прося его дать знать совѣту Академіи о приглашеніи ихъ рассмотреть мою картину. Графъ хотѣлъ было послать меня въ Всеслаvinу¹⁾, чтобы официально уладить дѣло посредствомъ этого лица, но графиня нашла неприличнымъ посѣщеніе мое къ Всеслаvinу. Я отправился къ Пименову, чтобы пригласить его — это въ самомъ дѣлѣ самый талантливый человѣкъ, какой въ Академіи теперь находится, и потомъ представитель скульптуры, которую, какъ третью сестру, надобно намъ съ тобой не забывать. Онъ меня принялъ въ студіи, но я извинился, что не могу у него оставаться лишней минуты сегодня, и поскакалъ къ Монферрану. Онъ меня принялъ въ церкви Исаакія, по-французски рекомендовалъ меня графу Гурьеву, который меня вѣжливо спросилъ: «Est-ce que vous êtes français, monsieur»? — «Non, monsieur, je suis russe», я отвѣчалъ.—«Какъ, русскій! воскликнулъ начальникъ комиссіи, — я никакъ не могу въ этомъ костюмѣ и съ бородой допустить къ послѣзавтрашней церемоніи. Француза дѣло другое, но русскаго — никакъ». Я отвѣчалъ, что сейчасъ былъ на представленіи Государю Императору, который, обласкавъ меня, ничего объ этомъ не замѣтилъ. Но графъ продолжалъ горячиться, и сказалъ: «Какого бы чину ни былъ русскій, все-таки онъ долженъ быть безъ бороды». Я сказалъ, что ни на какой чинъ диплома не имѣю, но графъ, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, разсердясь, отошелъ. Монферранъ сказалъ: «Moi j'ai fait tout ce que je pouvais». — Я разсматривалъ живописи, но нашелъ только архитектуру Монферрана, которая и снаружи, и внутри превосходить и живопись, и скульптуру далеко. Въ самомъ дѣлѣ, архитектура напоминаетъ греческую или лучше римскую, и

¹⁾ Письмоводитель Академіи Художествъ.

драгоценностію матеріаловъ дѣлается монументальною, тогда какъ скульптура, потерявъ весь характеръ Фидія, изнемогаетъ подъ новыми приложеніями къ церкви, а живопись, законно выйдя изъ первобытной византійской, остановилась здѣсь только на холодномъ академическомъ ученіи. Впрочемъ, объ этомъ я буду говорить подробно и отчетливо, когда разслѣжу прилежнѣе все.

Пятница, 30 мая. Третьяго дня вечеромъ въ 6 часовъ я взялъ карету, чтобы привезти графа Толстаго, вице-президента, во дворецъ; у него случились и Шименовъ, и Шевченко,—поѣхали мы вмѣстѣ. Послѣ чего пріѣхалъ докторъ, вылѣчившій меня, съ сестрами милосердія—эти новыя лица, создавшіяся войной крымской, высокаго интереса для русскихъ. Потомъ пріѣхалъ Кавелинъ со своими знакомыми, и все это выслано было изъ залы уже совершенной темнотой. На другой день, вчера, въ четвергъ, я поѣхалъ въ Царское Село, полагая представиться Ольгѣ Николаевнѣ, но оберъ-гофмаршалъ Мухановъ, посредствомъ котораго нужно это сдѣлать, сказалъ, что великая княгиня ѣдетъ въ Петербургъ, и что въ субботу или понедѣльникъ будетъ мое представленіе. Два брата Мухановы живутъ вмѣстѣ—одинъ изъ нихъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія. Съ ними я очень много разговаривалъ о сущности моего положенія настоящаго. Вопросъ былъ тотъ,—что лучше: пенсію по смерти, или плату единовременную? Я напиралъ на послѣднее и, кажется, они убѣдились. Они дали мнѣ билетъ въ Исаакіевскій соборъ на освященіе, а пришедъ домой, я нашелъ другой, присланный отъ Монферрана. Третьяго дня оберъ-прокуроръ синода, графъ Александръ Петровичъ Толстой, посѣтилъ тоже во дворцѣ мою картину; я у него былъ за два часа передъ тѣмъ на квартирѣ—онъ принялъ меня весьма ласково.

Сейчасъ изъ Исаакія. Было все великолѣпно: во-первыхъ, поражалъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ, состоящій изъ 300 человекъ; духовенства было до 1000. Войска на площади, по Невскому и отъ крѣпости, простиралось до 70.000. Каждый солдатъ получилъ по полтиннику. Монферранъ—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 40 т. единовременно, 5 т. по смерти—женѣ. Бруни—звѣзду и черезъ плечо Станислава.

Вице-президентъ—Владимира 2-й степени. Прочіе, участвовавшіе въ работахъ Исаакія, всѣ повышены крестами. Я многихъ знакомыхъ нашель въ церкви, и, стоя отъ 8-ми часовъ до 3½ по полудни, едва дотащился съ Михайломъ Боткинымъ домой. Николай Петровичъ съ Дмитриемъ пріѣхали изъ Москвы третьяго дня къ намъ. Послѣдній завтра ѣдетъ (обратно), я его прошу выслать мнѣ оттуда фотографій, ибо здѣсь онѣ идутъ хорошо и продаются за 6 цѣлковыхъ малыя, а Левицкій хочетъ дорого за напечатаніе вновь, т.е. по два съ половиною цѣлковыхъ только ему. Выручкой я оплачиваю извозчиковъ, которые здѣсь страшно дороги, особливо, если взять въ уваженіе, что до сихъ поръ не получено назначенныхъ мнѣ 200 червонныхъ отъ Государя въ Килѣ.

Вотъ письмо ко мнѣ отъ Визара изъ Москвы: «Въ Москву пріѣхалъ я въ субботу, и потому не могъ исполнить порученія вашего такъ скоро, какъ бы желалъ: отправить письмо въ тотъ же день было уже поздно, а по воскресеньямъ почты нѣтъ. Но хоть и поздно, я имѣю по крайней мѣрѣ хорошія вѣсти о фотографіяхъ съ вашей картины. Николай Михайловичъ получилъ дней пять тому назадъ увѣдомленіе отъ своего комиссіонера, что фотографіи отправлены изъ Мысловицъ въ Варшаву и, вѣроятно, когда вы получите это письмо, онѣ уже поступятъ въ продажу. Надѣюсь, что здоровье ваше вполне поправилось, и что скоро я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Москвѣ. Мая 25, 1858. Москва». А между тѣмъ меня увѣряли и Фабри и Кучони, что фотографіи будутъ въ 20 дней изъ Рима въ Москву, а теперь уже болѣе 40 дней, какъ я выѣхалъ изъ Рима, а фотографіи посланы гораздо ранѣе выѣзда моего изъ Рима. Твои оба письма я получилъ; въ послѣднемъ ты убѣждаешь меня ѣхать въ Римъ, что по долгому и грустному размышленію я самъ сдѣлалъ (бы). Конечно, отъ Петербурга зависить мое счастье, но до тѣхъ поръ не буду опредѣленно спокоенъ, пока не пройду чрезъ Москву, и потому все съ грустью гляжу вдаль. Пиши мнѣ чаще. Дѣло Васильева, парижскаго священника, все еще тянется. Я очень жалѣю, что не имѣлъ времени отобѣдать съ нимъ у Тона. Ты не повѣришь, какъ я озабоченъ каждый день.

Суббота (31 мая). На-дняхъ былъ я на Минеральныхъ водахъ: тамъ концертъ на воздухѣ весьма посредственный, пѣніе цыганъ и тирольцевъ весьма любопытно, но заведеніе мало уважается публикой. Въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ спущенная сабля прохаживалась взадъ и впередъ, и мѣшала всему хорошему. Вчера вечеромъ былъ въ театрѣ Михайловскомъ. «Ревизоръ» Гоголя былъ отлично разыгранъ, особливо роль Хлестакова.

Dite miei complimenti alle preziose conoscenti: Giulia, Teresina, Angelica, Silvia, Elena, Rosa, Giulia ed anche alle altre chi mi ricordano ¹⁾).

ССХІІ.

КЪ БРАТУ.

Петербургъ. Суббота (31 мая 1858.)

Любезный братъ.

Предполагалось, что царская фамилія здѣсь останется весь день, но вчера же вечеромъ она уѣхала въ Царское Село, исключая Ольги Николаевны,—она принимаетъ сегодня дипломатическій корпусъ. Вхожу въ залъ моей картины, и вижу, что первая половина заставлена маленькими картинками и фарфоромъ: вся царская фамилія была въ этомъ залѣ вчера, исключая вдовствующей Императрицы. Отсюда пошелъ я къ Ковалевскому, директору азіатскаго департамента,—онъ такой-же какъ и всегда, т. е. въ полномъ смыслѣ идеаль служащаго русскаго. Онъ общалъ мнѣ рекомендабельныхъ писемъ на Востокъ, и говорилъ, что они препроводили самыя благопріятныя свѣдѣнія о тебѣ отъ Озерова къ вице-президенту Академіи Художествъ. Отправился потомъ къ Левицкому, но тутъ дѣло продажи и отпечатковъ фотографій ничѣмъ еще не рѣшено. По его совѣту, я ѣду къ Тону и прошу письма къ Водову, служащему въ Главномъ Штабѣ и имѣющему всѣхъ мѣръ машины и матеріалы

¹⁾ Передай мои привѣтствія дорогимъ знакомымъ: Джуліи, Терезинѣ, Анжеликѣ, Сильвіи, Еленѣ (т.-е. сестрамъ Монтекки), Розѣ, Джуліи (т.-е. сестрамъ Марини) и другимъ, кто меня помнитъ.

для отпечатыванія. Но съ Левицкимъ пріятно тѣмъ, что онъ честный человѣкъ, что большая рѣдкость въ торговыхъ дѣлахъ здѣсь. Былъ я на мѣсячномъ экзаменѣ въ Академіи. Рисунки изобличали русскую неблагородную простую природу, точно скопированную самымъ тщательнымъ утушевываніемъ. Это требуетъ страшнаго времени и трудовъ, но тутъ совсѣмъ нѣтъ никакого стремленія къ облагороживанію формъ, что казалось бы первымъ дѣломъ серьезной школы. Въ манкеной лучшей этюды съ наготы превосходны, но все-таки и съ этими данными, при настоящемъ направленіи, скорѣе можно остановиться на вредной естественности, чѣмъ на идеальномъ выраженіи идеи, которая добывается строгимъ изученіемъ Леонарда-да-Винчи и нѣкоторыхъ Рафаэлей. Объ эскизахъ нечего говорить: если сами профессора, кромѣ Карла Брюлло, ихъ не чувствуютъ, то чего-же требовать отъ учениковъ? Ъздилъ на дачу къ Тону—онъ мнѣ далъ письмо къ Водову, и я, можетъ быть, тутъ продамъ стекло-негативъ вмѣстѣ съ моими оттисками, о которыхъ до сихъ поръ все еще не имѣю извѣстія, что они дошли до Москвы.

(1 июня.) Сегодня утромъ, въ воскресенье, ѣздилъ я въ Царское Село, спрашивалъ графа Віельгорскаго: не было-ли рѣшенія на счетъ моей картины? Графъ отвѣчалъ, что довольно трудно мою вещь оцѣнить, но что онъ думаетъ, что при умѣренной платѣ мнѣ будетъ пенсія, и Академія дастъ профессора. Это послѣднее ужасно! Дѣлать нечего, надобно и это выносить терпѣливо, если уже въ идеяхъ общества это условіе такъ закоренѣло. Графъ меня отправилъ къ Зиновьеву, съ пятью малыми фотографіями для дѣтей Государя. Зиновьевъ говоритъ: «Отчего вы сами во дворецъ не явитесь съ ихъ представленіемъ?» Я отвѣчалъ, что никакъ не могъ себѣ представить, чтобы безъ него это можно было сдѣлать, и такимъ образомъ оставилъ ихъ у него. Потомъ видѣлся со старымъ Адлербергомъ, которому сообщилъ этотъ фактъ. Удивительно для меня, что я до сихъ поръ не видалъ ни Императрицы, ни великихъ князей, т. е. къ нимъ не представлялся. Михаилъ Николаевичъ прислалъ мнѣ 25 рублей сер., съ чиновникомъ, изъ Михайловскаго дворца. Мухановъ общался

дать знать, когда можно представиться Ольгѣ Николаевнѣ, но это вѣдь, пожалуй, длинный ящикъ.

Понедѣльникъ (2 іюня). Я дожидался чиновника дома до 11 часовъ, но онъ не былъ. Это должно бы было быть извѣщеніе о 200 червонныхъ и освѣдомленіе о моемъ здоровьѣ отъ великой княгини Ольги Николаевны. Я отправился въ Зимній дворецъ съ Мих. Боткинымъ, чтобы выбрать залу, что мнѣ сказано именнымъ повелѣніемъ, и (мы) остановились на выборѣ аванзалы крещенскаго подъѣзда. Потомъ пошелъ въ Михайловскій дворецъ, чтобы доставить экземпляръ фотографіи великой княгини Екатерины Михайловны, но Берггольцъ ¹⁾ былъ въ Государственной Библиотекѣ, куда я и отправился объ этомъ съ нимъ говорить. Тутъ нашелъ Макухина ²⁾, женатаго на старшей Калантаевой ³⁾, и Стасова, который тебѣ очень кланяется. Compliments и услуги были неистощимы. Отсюда отправился обѣдать къ сестрѣ Боткина, гдѣ угостили удивительно, и весьма пріятно провели время. Отсюда я отправился на вечеръ къ Кавелину, гдѣ уже были разговоры великой важности для меня. Тутъ я оставался почти до полуночи.

Вторникъ (3 іюня). Я отправился въ Царское Село, гдѣ общилъ Бруни, что выбралъ аванзалу, что и было согласно съ его мнѣніемъ. Но мы оба не были приняты гофмаршаломъ, графомъ Шуваловымъ, который былъ въ эту минуту боленъ и выслалъ сказать чрезъ секретаря, что картина моя не можетъ оставаться болѣе во дворцѣ для публики, что ее нужно отправить въ Академію для выставки. Съ этимъ я и уѣхалъ. Послѣ обѣда пошли мы выбирать залу въ Академіи. Что за грусть навѣяла на меня Академія! Выбрали, однакоже, античную галерею около «Аѳинской школы». Потомъ пошли къ Иордану, гдѣ встрѣтили Хомякова (поэта); съ ними наз-

¹⁾ Ег. Ег. Берггольцъ—библіотекаръ в. к. Елена Павловны, и вмѣстѣ одинъ изъ библіотечарей Императорской Публичной Библіотеки.

²⁾ Капитанъ-лейтенантъ Ник. Павл. Макухинъ, одинъ изъ севастопольскихъ героевъ.

³⁾ Нат. Ег. Калантаева — живописица, долго прожившая въ Римѣ, еще въ дѣвчачь, для занятій художествомъ, и близкая знакомая, поэтому, многихъ Русскихъ художниковъ, въ томъ числѣ и Иванова.

начено свиданіе сегодня, чтобы быть во дворцѣ. Я тоже сегодня обѣдаю на дачѣ у Тона по приглашенію.

Среда (4 іюня). Я пробрался къ Оболенскому, чтобы найти дорогу къ Константину Николаевичу, великому князю: только что (онъ) возвратится чрезъ 5 дней, то это и будетъ. Съ Хомяковымъ и Оболенскимъ отправились во дворецъ къ картинѣ. Первый хочетъ написать статью объ этомъ; Тургеневъ тоже объ этомъ хлопочетъ. Бруни что-то не въ духѣ. Въ этой-же залѣ выставилъ какой-то Увон «Баталію Дмитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ»—картина больше моей, но совершенная декорация театра, да еще какъ бы за 50 лѣтъ писанная. Я желалъ, чтобы моя картина оставалась, пока Государь сюда еще разъ не будетъ. Это вѣдь будетъ третій визитъ Царя въ эту залу. Мнѣ сообщилъ Хомяковъ, что парижская русская церковь хотѣла быть цѣликомъ Благовѣщеніе, что близъ Николаевского моста здѣсь въ Петербургѣ, но что французы ее нашли неприличной для ихъ столицы. Хомяковъ очень ловко сказалъ, что «эта церковь, кажется, вашего брата», т. е. твоя. Я отвѣчалъ, что если ты у Тона и былъ помощникомъ въ это время, то, конечно, исполнялъ въ точности всѣ его приказанія, которыя тоже имѣли начало свыше. Церковь Благовѣщенія поражаетъ нелѣпостію шуточной архитектуры.

У Тона за обѣдомъ былъ замѣчательный тостъ за Нотбека, тутъ же присутствовавшего, какъ за генія архитектуры и наслѣдника Тона. Это было предложено самимъ Константиномъ Андреевичемъ. Несмотря на готовность къ услугамъ, радушіе и память, что Константинъ Андреевичъ былъ твоимъ наставникомъ, я все-таки не мало изумленъ этимъ провозглашеніемъ, тѣмъ болѣе, что теперь начинается все у насъ зависѣть отъ общественнаго мнѣнія, которое, конечно, должно болѣе еще вырости, и скоро.

Въ обществѣ, покамѣстъ, ругаютъ Исаакія, но массы хвалятъ. Воля твоя, а я отдыхаю на Исаакіѣ, отъ архитектуры другихъ церквей, кромѣ развѣ Казанской,—право, все это scherzi da buttar via ¹⁾. Въ Исаакіѣ хуже всего внутри золотыя фигуры—эти лепешки барокко, и, представь, на самой

¹⁾ Шутки, которыя стоить вышвырнуть вонъ.

среди́нѣ иконостаса: скульптура не скульптура и живопись не живопись,—это образъ центавръ, т. е. скульптурныя фигуры съ плоскими живописными лицами, къ нимъ приставленными, которыя съ боковъ имѣють какъ-бы право на общую картину, ибо оканчиваются святыми, написанными на плоскости. Вѣдь выдумали-же они дичь! Надававъ Монферрану награду, о которыхъ я тебѣ говорилъ, присадили ему опасный чирій на затылокъ—старикъ едва-ли его перенесетъ. Это именно та самая порода, которой страдалъ Чессо Марини ¹⁾ въ бытность твою въ Афинахъ.

Продалъ я стекло за тысячу руб. сер. — этими-то деньгами я теперь заплачу за рамки, пяльца, натяжку холстовъ, наклейку этиюдовъ, и проч. Дѣло мое, т. е. рѣшеніе платы за большую картину, все еще не рѣшено. Носящимся слухамъ я не могу довѣряться, хотя они и отрадны.

Четвергъ (5 іюня). Я былъ у Тургенева—весьма много любопытнаго онъ мнѣ сообщилъ. Поѣхали къ Гончарову, учителю наслѣдника, потомъ къ князю Щербатову, попечителю петербургскаго университета. Эти всѣ три лица весьма замѣчательны, особливо послѣдній, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе говорить у моей картины. Онъ тоже подалъ въ отставку. Я со-всѣмъ не видѣлъ Бруни, и потому картина все еще во дворцѣ. Послѣ обѣда посѣтилъ мою племянницу, т. е. дочь Марьи Андреевны, нашей покойной сестры. Это вылитая сестра, какъ я её оставилъ,—красавица, и уже второй разъ замужемъ; ей всего 20 лѣтъ, живая, энергичная и, кажется, добрая; у ней мужъ военный, живутъ весьма изрядно, и на дачѣ. Тутъ-же у нихъ случился Егоръ Ивановичъ ²⁾, нашъ дядя — послѣ долгой разлуки я его совершенно узналъ. Но онъ скоро отправился, ибо петербургская вьюга и пылъ заставили его скорѣй быть дома.

Пятница (6 іюня). Сегодня былъ у Моллера, но не засталъ никого дома—всѣ на дачѣ. Василій Антоновичъ пріѣзжаетъ въ городъ, и я пойду къ нему въ понедѣльникъ. Встрѣтился случайно съ Левицкимъ—онъ мнѣ сказалъ, что пріѣхалъ князь

¹⁾ Франческо, или Кекко Марини (какъ его называли), братъ хозяина дома, гдѣ жилъ Ивановъ.

²⁾ Демертъ, архитекторъ.

Гагаринъ изъ Парижа, и пробыль вчера цѣлый день и до полночи въ разговорахъ съ Государемъ—его прочать въ вице-президенты Академіи Художествъ. Быль у князя Мещерскаго, гофмаршала Екатерины Михайловны,—онъ общался меня къ ней представить. Потомъ поѣхалъ на обѣдъ, который литераторы давали отъѣзжающему Тургеневу—всѣхъ со мной было 14 особъ. Первый тостъ былъ обращенъ ко мнѣ. Вчера-же Нотбекъ приглашалъ меня къ обѣду всѣхъ художниковъ академическихъ, но я не зналъ его много, отказался, а случилось быть съ литераторами въ томъ же заведеніи у Пѣвческаго моста, такъ что, окончивши обѣдъ, и прохаживаясь съ Ковалевскимъ по саду, встрѣчаю Михайлова, который меня и втащилъ къ шампанскому большой компаніи художниковъ, т. е. ректоровъ, профессоровъ и всего, что стоитъ повыше у насъ. Быль также въ городскомъ дворцѣ Маріи Николаевны, чтобы высмотрѣть церковь, росписанную Гагаринымъ: ея она безпрестанно въ разговорахъ выставляетъ въ образецъ, какъ должно быть поставлено искусство въ Россіи. Сегодня я ѣду переставлять мою картину въ Академію для публики, а завтра отправлюсь къ Маріи Николаевнѣ въ Петергофъ, чтобы привезти ее открыть эту выставку. Можетъ быть, пріѣдутъ оттуда ея дѣти, только-что прибывшія изъ Рима. Я къ тебѣ буду писать каждую субботу съ пароходомъ въ Штеттинъ, ибо думаю, что много любопытнаго могу передать въ эти дни. Кланяются тебѣ Михайль Петровичъ Боткинъ и Сергѣй Петровичъ Постниковъ. Я, можетъ быть, съ ними пушусь къ тебѣ въ Римъ, если дѣла примутъ благой оборотъ. Прощай.

Alle preziose conoscente miei rispetti ¹⁾.

¹⁾ Драгоценнымъ знакомымъ мое почтеніе.